СЕРГЕЙ БАРАННИКОВ

ГРАДОВЕЦКИЙ ЦЕЛИТЕЛЬ

6

ПОВЫШЕНИЕ

Сергей Баранников

Градовецкий целитель. Выбор

«Автор»
2026

Баранников С.

Градовецкий целитель. Выбор / С. Баранников — «Автор», 2026

Время обязательной отработки подходит к концу. Меня хотят видеть не только в Градовце, но и в Москве, и родном Привольске. Каждый дёргает за ниточки и надеется перетянуть канат в свою сторону, а тем временем разгорается эпидемия, которая может затронуть всех одарённых.

© Баранников С., 2026
© Автор, 2026

Сергей Баранников
Градовецкий целитель. Выбор

Глава 1. Вирус

По дороге на север, где среди бескрайних просторов и густых лесов притаилась маленькая деревенька, я пытался представить как живут люди, о чём мечтают, во что верят. Не думаю, что за сотню лет что-то принципиально изменилось. Возможно, для историков или лингвистов это бесценный источник информации, шанс пообщаться с людьми, ведущими образ жизни по старым правилам, но кто сказал, что это общество застряло на месте, и не развивалось? Там вполне могли появиться новые обычаи и законы, отличные от нашего мировоззрения. Надеюсь, там хотя бы безопасно. Не хотелось бы закончить свой жизненный путь подношением для какого-то выдуманного божества или духа.

С другой стороны, без охраны нас бы никто и не пустил. С нами отправились два егеря, вооружённые двуствольными ружьями. Одного выстрела из такого оружия было достаточно, чтобы отбить желание знакомиться даже у лыкуса, я уже не говорю о хищниках поменьше.

Но в командировку я ехал с интересом. Мне хотелось узнать как живут в забытой деревне ещё и потому, как я прекрасно понимал, что закрытое общество обречено на вымирание. Сначала они будут отставать от современников в плане развития технологий. Всё-таки мы учимся у других, и чему-то учим сами, делимся достижениями, открытиями, изобретениями. Но есть у изоляции и другая сторона медали. Генетическое разнообразие. Я поверю, что в этой затерянной деревне два-три поколения люди не испытывали проблем со здоровьем потомков. Всё-таки было кому создавать семьи. Но через какую-то сотню лет ситуация кардинально менялась. Все семьи уже были связаны родственными связями, и тогда возникала серьёзная проблема. Я не знал как долго люди были изолированы от других, но очень может быть, что проблема уже созрела. Надеюсь, мы не увидим никаких серьёзных генетических изменений у отшельников.

Поезд довёз нас до Новомихайловска, а оттуда мы поехали в составе каравана до Яшмани. Увы, надолго задержаться не получилось, потому как егерям хотелось поскорее отправиться в путь, чтобы до сумерек быть в месте назначения.

Нас поехало четыре человека: я, Лера, Мокроусов и Вениамин Федотов, старший целитель инфекционного отделения. Вот уж кто точно был нужен в этой поездке. Честно говоря, я не совсем понял зачем вообще потянули целителей из отделения общей практики. Не иначе, как Радимов снова посуетился раньше остальных и первым отозвался на зов. Или Егор Алексеевич оказался единственным, кто понимал серьёзность ситуации и важность этой поездки?

— Не высовывайся из окна, целее будешь, — сделал замечание Мокроусову егерь.

— Так ведь вокруг никого, — заметил Артём, принявшись крутить головой по сторонам. Егерю пришлось схватить его за рукав и оттащить от окна.

— А в воздух ты смотрел? — поинтересовался мужчина и указал на крошечную чёрную точку в небе. — Это туркон, невероятно быстрый ястреб, с острыми когтями и возможностью разорвать обшивку автомобиля, я уже не говорю об одежде. Сейчас он парит высоко в небе, высматривая добычу, но никто не знает что придёт ему в голову в следующее мгновение. Стоит вам всего на пару-тройку секунд выпустить его из вида, он может устроить неприятный сюрприз.

— Разве такие птицы атакуют большие объекты? — удивилась Лера.

— Ради добычи — нет, но он может посчитать, что мы вторглись на его территорию, или охранять гнездо, расположенное в одной из трещин того отвесного каменного холма, который вы видите вдалеке, — объяснил егерь.

После его слов желающих поближе рассмотреть красоту дикой северной природы не осталось. Все старались держаться подальше от окон. Благо, размеры машины позволяли.

Ехать пришлось достаточно долго, потому как к поселению отшельников не вело ни единой тропы. Приходилось пробираться по бездорожью.

— Угораздило же людей забраться в такую глушь! — не сдержался Мокроусов, в очередной раз клацнув зубами после того, как машина подпрыгнула на высокой кочке.

— Захочешь жить — ещё не туда заберёшься, — оскалился егерь. За время путешествия мы успели поближе познакомиться с ним. Его звали Мефодий Кузьмичёв, родился он в Новомихайловске, но жизнь помотала его по всей губернии. Лишь к началу четвёртого десятка он вернулся в родные края и занялся тем, что ему даётся лучше всего — охотой на дикого зверя. Судя по длинным шрамам на его левой руке, охота не всегда была удачной.

А вот второй егерь, который сел за руль, заметно отличался от общительного Кузьмичёва. Он хмурился, изредка поглядывал на нас через зеркало заднего вида, но вслушивался в каждое слово, оброненное в салоне. Эдакий неумелый шпион, который плохо маскирует своё поведение и слишком нервничает на задании. Хотя, причины для недовольства и волнения у него были. Мы и так ехали очень медленно, а ближе к вечеру и вовсе застряли. Пока водитель менял колесо, Кузьмичёв расхаживал вокруг него с винтовкой наперевес, готовый использовать её по назначению, если придётся. Но самой страшной опасностью стали не дикие животные, не стали голодных лыкусов или бер, а комары. Тысячи этих противных существ образовывали самые настоящие тучи, от которых не спасала ни одежда, ни стёкла в машине. Они находили способ просочиться даже внутрь салона авто и одолевали даже там.

Неожиданно спасение нашёл наш егерь. Оторвавшись от патрулирования, он убрёл недалеко в сторону и вернулся с пучком трав.

— Если это попытка порадовать девушку, то неудачная, — ляпнул Мокроусов, глядя на ухмыляющееся лицо Мефодия.

— Причём здесь ухаживания? — рассмеялся егерь. — Вы ничего не замечаете?

— Смеркается, — поёжился Артём. — Мне бы искренне хотелось поскорее оказаться на месте, потому как перспектива ночевать посреди поля совершенно не прельщает.

— Комары от меня шарахаются, когда я натёрся этой травой. Сами попробуйте!

На запах эта трава напоминала обычную полынь, если хорошенько принюхаться, чувствовались нотки то ли лимона, то ли мяты, но запах этой травы реально отгонял кровососов.

До деревни мы добрались на закате. Это было неприметное местечко у холма, на самом краю леса. Радимов не обманул, там насчитывалось всего шестнадцать дворов, вот только размерам двора могли позавидовать даже некоторые аристократы. В центре деревни располагалось капище, а здания прятались за высоким частоколом. Дозорные заметили нас ещё на подъезде и запустили в воздух огненные стрелы, повелев остановиться. Пришлось проторчать немного у ворот в ожидании, когда подойдёт староста.

— Звать меня Феофан, — представился мужчина. — Я здешний староста и, стало быть, представляю интересы всей нашей общины.

— Выходит, это с вами решать все вопросы? — неожиданно поинтересовался наш водитель.

— Смотря какие. Судьбоносные решения мы принимаем на вече, где у каждого взрослого есть право голоса.

— Ну, найти место, где мне припарковать машину, можно и без вече, — заключил мужчина.

— Вот этот железный механизм? — поинтересовался староста, разглядывая машину. — Надо же, какие телеги нынче делают. Загоняйте её в стойла, пусть там стоит промеж лошадей. А вы идите за мной, у нас есть для вас место. Всех разместим, никого не оставим. Кого-то к Путяте, кого-то к Ставру, а кто у нас заночует.

Стоило нам войти на территорию деревни, нас тут же окружила любопытная детвора — куча мальчишек и девчонок лет от пяти до двенадцати. Те дети, что были постарше, наблю-

дали издалека, напуская на себя серьёзный вид. Им уже хотелось выглядеть более взрослыми и осознанными, но некоторые всё же не скрывали любопытства и следили за нами в оба.

Мы с Лерой остановились в доме Ставра. Отдельной комнаты не было, все спали в общей спальне, но никого это особо не смущало. Зато какие были пуховые матрасы и подушки! Я никогда так не высыпался.

Перед тем, как провалиться в сон, я отметил запах лесных трав, подвешенных под потолком. Эдакий ароматизатор воздуха в условиях, далёких от цивилизации.

Утром, несмотря на долгую дорогу в машине, я чувствовал себя отдохнувшим и выспавшимся, голова была чистая, и мне даже не потребовалось проводить традиционную целительскую процедуру. Но разогнать энергию по телу всё-таки пришлось, чтобы настроиться на рабочий лад.

Вчера Феофан даже говорить ничего не хотел о цели нашего визита, решив отложить дела до восхода солнца.

— Вас зовут мыться и за стол, — доложила маленькая девочка, которую явно отправили к нам с посланием.

Только сейчас я обнаружил, что мы с Лерой были единственными, кто ещё спал. Остальные члены семьи встали раньше и приступили к своим обязанностям.

Умывшись водой из кувшина, мы сели за стол. Каждая семья обедала по отдельности, но за столом всё равно собиралось не меньше дюжины человек. Как объяснил Ставр, только на большие праздники накрывают общий стол, за которым собирается вся деревня.

— А больные у вас в деревне есть? — поинтересовался я, когда мы шли к избушке знахарки.

— Хворь одолела многих, — признался мужчина, нахмурившись. — Агафья пыталась их своими травами отпаивать, да толку немного. То ли злые духи пробрались через наши защитные обереги, то ли знахарка совсем состарилась — не знаю. Может, наказание нам послано за какие-то проступки…

Ага, злые духи! Знаю я целую группу немытых бородатых «злых духов», которые суют свой нос, куда им не следует, отчего потом у людей проблемы появляются.

— Разберёмся! — пообещал Мокроусов, который присоединился к нам после завтрака. — Пусть мы не шаманы, но духов всяких видали.

Ставр глянул на парня с недоверием, но спорить не стал, а вот Федотов решил одёрнуть парня.

— Не забывай, что у нас с местными восприятие разное. Можешь такого ляпнуть, что нас за ворота выставят, или на частоколе повесят, так что держи язык за зубами!

Если первая угроза Артёма совершенно не испугала, то перспектива повиснуть на частоколе ему совершенно не понравилась, поэтому по дороге к знахарке он не проронил больше ни слова.

На пороге нас встретила седая сгорбленная женщина лет семидесяти, бормотавшая себе под нос какие-то заговоры. Я даже решил убедиться, что она не заклинательница, проверив её энергетическое ядро. Нет, обычная простолюдинка. Но даже так её нашёптывания оказывали небольшое воздействие. Благодаря внутреннему зрению целителя я видел как изменялась структура воды. Для меня это не новость, я ещё в родном мире читал об исследованиях, когда от молитв, добрых слов или ругани менялся молекулярный состав воды. В этом мире целители могли убедиться в этом лично. А ещё заговоры помогали знахарке отсчитывать нужное время для приготовления зелий.

— Кто это у вас плачет? — удивилась Лера, осмотревшись вокруг.

— Это Вьюнов сын. Совсем слабый, — запричитала старуха. — Того и гляди, просолить придётся.

— Что сделать? — удивилась Лера, услышав слова престарелой повитухи.

— Просолить, — принялась объяснять женщина. — Ладно я, старая, слышу плохо. А ты чем слушаешь?

— Агафья, она не из наших, это целители из Градовца приехали, — пояснил Ставр, который сунулся вместе с нами к знахарке.

— Вот оно что! Стоит ещё Градовец-то? — поинтересовалась старушка. — Мой отец оттуда родом. Какой же работящий был…

Женщина погрузилась в воспоминания, и только сопение малыша заставило её оторваться от мыслей.

— Сейчас Севрюжку просолим, всё в порядке будет, — произнесла она, поспешив к колыбельке с младенцем.

— Вы меня простите, но я вам не позволю ребёнка солью посыпать! — Лера решительно шагнула вперёд.

— Ты не смотри, что я старая — своё дело знаю, и ещё не совсем из ума выжила. Ребёночек-то совсем слабый родился, раньше срока. Его нужно в тепло поместить, и чтобы злые духи не добрались, пока духовная оболочка не окрепнет.

— Нельзя новорожденного солью посыпать, — стояла на своём девушка.

— А кто ж его посыпать собирается? — заулыбалась оставшимися зубами старуха. — Запомни на всю жизнь, что соль отлично согревает. Подержи мешочек с солью немного на печи, дай вобрать животворящее тепло, а потом прикладывай к ребёночку. Только не перегрей. И тогда он получит недостающее тепло, и ни одно отродье не подступится.

Девушка выдохнула, а по поведению Леры я понял, что она заметно успокоилась. Боюсь даже представить что она себе нафантазировала.

— Позвольте я помогу, — вызвалась она. — Я согрею его целительной энергией и помогу окрепнуть.

— А ты что, целительница? — удивилась старуха, а Ставр закатил глаза и посмотрел на меня, словно хотел сказать: «Видишь, на кого рассчитывать приходится?»

— Да, я владею даром исцеления, — призналась Лера и немного засмущалась.

— Хорошо, очень хорошо! Тогда ты определённо знаешь что делать. Только не переусердствуй, деточка. Ребёнок совсем крошечный, ему много твоей силы не нужно.

Удивительно откуда знахарка знала о том, как следует использовать целительную энергию. Не иначе, когда-то у них всё-таки был целитель.

— Не волнуйтесь, я знаю что делаю, — заверила старуху Лера.

Казалось, когда девушка оказалась в более привычной обстановке, уверенность вернулась к ней. Теперь она действовала быстрее и решительнее.

— Кстати, ваша идея с солью очень хорошая, — поддержала она повитуху. — Я считаю, что одно другому не помешает, а сделает только лучше. Я поделюсь целительной энергией, добавлю ему жизненных сил, а вы согреете физическое тело ребёнка и отгоните всяких… злых духов.

Женщины сработались в паре и отлично дополняли друг друга. На удивление, и Лере нашлось чему поучиться у опытной повитухи. Жаль, что своим опытом исцеления девушка поделиться не могла — без дара эти знания ничего не дадут.

— Нам сказали, у вас в деревне люди болеют, — начал я, направляя разговор в нужное русло.

— Болеют, — закивала головой Агафья. — Чем я только их не отпаивала, всё без толку! Трое уже испустили дух, а два раза по столько же лежат, и еле дышат. Вот-вот дух вон выйдет.

— Где же они? Я тут никого не вижу, — пробормотал Артём, осматривая хижину знахарки.

— А ты думаешь, я совсем из ума выжила, чтобы больных рядом с ребёночком класть? Лежат они на краю деревни сил набираются. Я их там травами лечебными окуриваю, отва-

рами пою. Ступайте со Ставром и сами посмотрите. Только красавицу вашу здесь оставьте, её помощь мне здорово пригодится.

Говорок у местных был забавный. Смесь нашего современного с деревенским. А иногда и вовсе попадаются слова, значения которых не знаешь. Например, чагурник у них — большая ложка для помешивания каши в котелке, а лантырь — свеча, которую ставят в металлическую чашу в качестве ночного светильника. В неё вставляют гвозди, и когда через определённое время огонь растапливает воск, гвоздь падает на металлическую чашу и будит окружающих. Получается своего рода будильник. Главное только уметь выставлять нужное время, иначе проснёшься среди ночи, а утром будешь сонный и вялый от недосыпа.

— Пришли! — объявил Ставр, подведя нас к покосившейся хижина у самого частокола.

Сам мужчина опасался заходить внутрь, будто боялся, что злые духи перекинутся и на него. Учитывая, что мы вполне можем иметь дело с респираторной вирусной инфекцией, от которой у местных ещё не выработался иммунитет, я понимаю его опасения.

У нас с Мокроусовым и Федотовым оказалось много работы. Шесть человек уже слегли с гриппом, и если не купировать очаг эпидемии, ещё многих ждёт та же участь. Вылечить полторы сотни человек даже четверым целителям не под силу, а вот провести профилактику — куда проще.

Агафья верно поступила, когда изолировала всех заболевших в отдельной избе. Нам останется лишь уничтожить вирус, укрепить иммунитет больных и помочь им как можно скорее пойти на поправку. Да и остальным жителям не помешает провести процедуры, чтобы укрепить иммунитет, а то после каждого визита любопытных будут начинаться эпидемии — не грипп, так другая зараза. А я уверен, что любопытных будет много. Даже если принесут другую болезнь, шансов справиться с ней будет куда больше.

— Так, парни, задача со звёздочкой, — нахмурился Федотов, проведя диагностику. — Болезнь прогрессирует у всех заражённых. Несмотря на крепкий иммунитет и здоровый образ жизни, сами они могут не справиться. Раз вы не специализируетесь на инфекционных заболеваниях, от вас потребуется только поддержка.

Разумеется, мы использовали средства индивидуальной защиты, которые взяли с собой из города. И даже раздали их местным на время эпидемии, объяснив, что это такие обереги, помогающие отгонять злых духов. Если поначалу Федотов кичился своим профессионализмом и собирался справиться со всем самостоятельно, то через пару дней сдался, и стал часть работы перекладывать на нас.

— Пусть вы и не старшие целители, но уже не зелёные новички, по методикам работать умеете, — объяснял он своё решение.

На самом деле, мы все прекрасно понимали истинную причину: больных становилось больше, а выздоравливали медленно. В условиях работы с даром организм исцелялся за три дня даже в тяжёлой форме, но новые больные появлялись ежедневно.

— Когда же это закончится? — ворчал Мокроусов, принимая очередного пациента.

— В идеале должны переболеть все, чтобы у каждого выработался иммунитет, но для устойчивого эффекта достаточно хотя бы две трети пациентов.

Я узнал, что в этом мире не было вакцин. Зачем, если есть целители? Они просто помогали заболевшим легче перенести болезнь и сокращали время на исцеление. В итоге получалось, что за пару-тройку дней человек обретал иммунитет к серьёзной болезни без осложнений.

В один из дней, когда мы уже собирались домой, нам пришлось отправиться на поиски группы охотников, пропавших в лесу. Они не успели вернуться к ночи, а после сумерек в округе слышали вой лыкусов.

— Не иначе, как эти чудища решили поохотиться в наших краях, — горевал Феофан. — Обычно их летом в наших краях редко встретишь. Придётся снова отгонять от поселения.

Судя по царапинам на частоколе, лыкусы здесь — частые гости.

На поиски отправилось сразу восемь человек из деревни, вооружённые рогатинами и изогнутыми серпами, а к поискам попросили присоединиться наших егерей и парочку целителей.

Федотов наотрез отказался идти, сославшись на занятость в лазарете, Леру мы не взяли, поэтому отправились вдвоём с Мокроусовым. Хотя Артём тоже был не в восторге от идеи покидать защиту укреплений.

Изначально нам не удавалось ничего найти, поиск Жизни тоже выдавал лишь лесных обитателей, но через пару часов Мокроусова ждал успех, если это можно так сказать.

— Там человек, — произнёс парень. — Точнее, останки…

Мы определили, что человеку было лет семьдесят и спросили у Ставра что делать дальше.

— Тише! — поднял палец вверх Ставр. — Мы знаем кто это. Он завершил свой земной путь три дня назад, а теперь пришло время избавиться от его физической оболочки и вернуть природе то, что поможет кругу жизни вращаться дальше.

— Вы так и оставите его здесь? — удивился Артём.

— Когда мы понимаем, что конец близок, мы уходим в лес. Так родные не видят нашей смерти, а тело возвращается в природу, как и всё, что принадлежит этому миру. Так мы уподобляемся всему живому, что рождается, растёт, развивается и становится пищей для окружающего мира.

— Но человек тем и отличается, что у нас есть обычаи, недоступные животным.

— Гордыня и желание сохранить что-то даже после смерти, — отозвался мужчина. — На самом деле, вам это не нужно. Да, бывает, что близкие уходят в лес, чтобы быть рядом с теми, кто завершает свой жизненный путь. Но это случается нечасто.

Охотников мы тоже вскоре нашли. Оказалось, что они слышали лыкусов и решили задержаться, чтобы отогнать их от посёлка подальше, а в идеале и сократить их численность. Отважные люди! Не знаю сколько лыкусов в стае, но охотников было всего трое. Я бы в таком составе и с одними рогатинами не решился идти на такого зверя, которого и обычное ружьё не особо берёт.

Покончив с эпидемией на седьмой день, мы провели профилактический осмотр каждого жителя посёлка. Тут Лере пришлось труднее всех, потому как женщины соглашались идти только к ней. А ещё на плечи девушки упал осмотр всех детей. Я пытался помочь, но жена отказалась и справилась сама.

А я с большим удивлением нашёл необычного пациента. У одного из мужчин я увидел странную проблему. Сильное энергетическое ядро говорило о том, что он владеет даром. Ему было лет пятьдесят на вид, но внешность могла быть обманчивой, потому как пациент оказался здорово потрёпанным.

Но какой у него дар? Явно не исцеление, иначе зачем бы он обращался за помощью? Да и на ратника он откровенно не тянет. Задать вопрос напрямую я не мог, потому как это выглядело бы бестактно. С другой стороны, у целителя нет неудобных вопросов. Особенно, когда к нему приходят на приём.

— У вас хорошие энергетические каналы, — заметил я, устанавливая контакт.

— Что? — удивился мужчина.

Ясно, здесь так не говорят, поэтому мы не понимаем друг друга. Как же говорили раньше?

— Силу у вас вижу великую, — объяснил я.

Может, он даже не подозревает о том, что у него есть дар?

— Вот оно что! — просиял мужчина. — Это да, сила у меня от отца досталась, а ему от деда. Только мы о ней никому не говорим, потому как люди всякое подумать могут. Не хватало ещё, чтобы камнями забили, или из деревни выгнали.

— Разве можно преследовать человека лишь за то, что он владеет даром? Наоборот, одарённый — огромное преимущество для любого общества.

Кажется, я догадываюсь что за дар у этого мужчины. Несколько сотен лет назад заклинателей стали преследовать за их дар. За долгие годы гонений их почти истребили, а если рождались люди с таким даром, их сторонились и изгоняли.

Но у моего пациента была другая проблема. На энергетическом ядре я видел тёмные пятна, которые густо покрывали его и не давали энергии выходить наружу. По сути, он не мог пользоваться даром. Никогда такого не видел. Когда я позвал на помощь Федотова и остальных, вид пятен также вызвал недоумение. Мы попытались осторожно воздействовать на ядро целительной энергией, но часть пятен рассыпалась, а часть по каналам обрушилась на самого Федотова. И пусть его пятнышки были совсем крошечными, лучше от этого никому не становилось.

— Прекратить процедуру! — скомандовал старший целитель, что было вполне логичным, потому как дальнейшая работа вызывала лишь проблемы.

Мы молчали, ожидая дальнейших указаний. Все понимали, что мы столкнулись с проблемой, решения которой до сих пор не знаем.

— Плохие у меня предчувствия, друзья, — произнёс мужчина, хмурясь по обыкновению. — Эти пятна не просто перекрывают доступ энергии, они питаются энергией ядра. Думаю, питаться будут до тех пор, пока полностью не вытянут всю энергию.

— И что произойдёт потом? — задал вопрос Артём, хотя сам прекрасно понимал ответ.

— А потом одарённый умрёт, потому как без ядра, пусть даже не до конца сформированного, жизнь невозможна. Вся энергия будет поглощена этим паразитом.

В лазарете повисла тишина, потому как у нас было уже два человека, больных этим недугом.

— Мы поступим следующим образом! Я останусь здесь и попробую разобраться в возникновении этой болезни. Лечить пока никого не буду, чтобы болезнь не передалась другим. А вы едете в Градовец и докладываете о ситуации в медицинскую коллегию. Что-то мне подсказывает, что мы на пороге большой беды.

Глава 2. «Пятна»

Деревню мы покидали с тяжёлым сердцем. Федотов оставался там без возможности помочь кому-то, даже самому себе. И самое страшное, что и мы не знали как выручить коллегу. Я мог только восхищаться его самопожертвованием и твёрдостью характера. Да, Вениамин Борисович точно пригодится в деревне. Пусть не может пользоваться даром, его знания и опыт точно пригодятся. Хотя бы поможет Агафье с приготовлением зелий, сделает перевязки и проведёт поверхностную диагностику.

— У меня всё не выходят из головы эти чёрные пятна, — признался Мокроусов, подняв больную тему, о которой никто из нас не говорил вслух. — Выходит, чем больше одарённый пользуется своей силой, тем сильнее они становятся. Если целитель попытается уничтожить их, они перекинутся на него. Но внутреннее зрение не заразило нас.

— Это потому, что мы не соприкасаемся энергиями, — объяснила Лера.

— Выходит, использовать энергию заражённому вообще нельзя?

— Думаю, так и есть, — высказал я своё мнение. — Оборотник не зря отказывался использовать дар. Он знал, что эти чёрные пятна поглощают энергию, и чем чаще он пользуется ей, тем хуже становится.

— А меня интересует где он подцепил подобную напасть. Честно говоря, никогда не слышала ни о чём подобном, — призналась Лера.

Разумеется, после диагностики мы всю ночь ломали головы над происхождением этой проблемы и вариантами её решения. Федотов пытался сам уничтожить пятна на своём энергетическом ядре, но эти попытки привели лишь к тому, что пятен стало больше. При этом сила ядра немного уменьшилась.

Общаясь о возникшей проблеме, мы совершенно не обращали внимания ни на дорогу, ни на водителя с егерем, которые молча слушали нашу беседу. Если водитель был ратником, то Мефодий даром не владел и считал, что ему совершенно нечего бояться, а это всё проблемы одарённых. Вот только есть ненулевой шанс, что эта болезнь высушит и людей без дара. Причём, куда быстрее, чем одарённых, потому как у них энергии куда меньше.

— Допросить бы этого оборотника как следует! — вспыхнул Артём. — Чувствую, он скрывает что-то важное. Думаю, какой-нибудь духовник точно бы смог выудить нужную информацию.

— Не думаю, что кто-то из духовников возьмётся за это дело, — покачала головой Лера.

— Почему? — удивился Артём. — Ради решения проблемы можно потрястись пару дней в дороге. Хотя, если это вообще можно назвать дорогой.

— Дело не в этом. Духовнику, чтобы получить нужную информацию, нужно воздействовать на жертву с помощью энергии. Его ментальная атака — это волна энергии, воздействующая на сознание. А значит, любой духовник мгновенно станет жертвой.

— Если эта проблема серьёзная, нужно допросить нулевого пациента, пока он ещё жив, — стоял на своём Артём. — Он вполне может знать откуда появилась эта болезнь.

— А если он не нулевой пациент? — предположил я. — Помните что он сказал?

— Костя, ты всерьёз веришь в ту ерунду? — рассмеялся Мокроусов. — Он не боялся, что его выгонят из деревни, а знал как работает болезнь. И о проклятии он наверняка наврал с три короба.

— Может, и наврал. А может, он просто не понимает что именно спровоцировало появление этих «пятен», и пытается передать суть? Помнишь шамана из Яшмани? Ян не владел даром, но используя лекарственные травы для усиления энергетических потоков мог частично использовать умения провидца и даже целителя. Но в этой истории важно то, как он воспринимал процесс работы.

— Духи, — припомнил Мокроусов, потому как всегда критически относился к высказываниям шамана и его способностям. — Возможно, ты прав. Но где тогда искать первопричину? Думаешь, это дело рук заклинателей?

— Думать можно всё, что угодно, вот только истина одна, а её мы не знаем, — ответил я, откинувшись на спинку пассажирского сидения.

В голове кружилось огромное количество мыслей, отчего развилась мигрень. Сказывалась и бессонная ночь, проведённая в попытках разрешить проблему. У нас образовалось несколько теорий, в пользу которых говорили факты. Первая версия — проклятие, насланное заклинателем. Второй вариант — нахождение какого-то древнего артефакта, спровоцировавшего болезнь. Последнее предположение — это аномалия, возникшая из-за неправильной работы ядра, которая и спровоцировала появление болезни. Правда, последняя версия была слабовата и откровенно притянута за уши, потому как не объясняла почему «пятна» передаются другому одарённому. Была ещё и мысль, связанная с духами — существами, обитающими на энергетическом уровне и не имеющих физического тела, но Мокроусов встретил эту версию в штыки, и мы её пока не рассматривали. Лично я не видел ничего предосудительного — природа человека такова, что встретившись с необъяснимым, он всегда приписывает находке какие-то магические свойства.

— Погоди, мы поворот на Яшмань проскочили! — неожиданно встрепенулся Мефодий, давно потерявший интерес к нашим спорам, и молча следивший за дорогой.

— Так быстрее будет, — отозвался водитель. — Если в посёлок заедем, проторчим там до самых сумерек, и тогда уже точно не успеем засветло до Новомихайловска.

— А мы и так не успеем, — заспорил егерь. — Так хотя бы спокойно заночуем в безопасности, а если ехать дальше, то ночь нас застанет посреди тундры.

— Если ускоримся, успеем, — отозвался упрямец, заёрзав на месте.

Разумеется, мы никуда не успели и более того, застряли в дороге. Как назло, до самых сумерек никто не ехал мимо, и нам пришлось разбираться с проблемой самостоятельно. Водитель ушёл на поиски питьевой воды и чего-нибудь, что бы могло помочь нам выбраться из ямы, а мы высыпали наружу, чтобы размяться. Если не выберемся в ближайшее время, придётся провести ночь в салоне автомобиля, а это ощущения не из приятных.

— Не похож он на егеря, — заметил Мефодий, когда наш водитель отошёл достаточно далеко, чтобы не слышать нас. — Я нашего брата знаю, и никто не будет вести себя так на открытой местности. Он постоянно оглядывается, но не видит того, что нужно, слушает каждое слово, но сам ничего не предлагает. Одним словом, странный тип. И потом, я отлично знаю где ближайшие ручьи в этой местности. Там, куда он направился, их отродясь не было.

— А вы разве не знакомы? — удивилась Лера. — Я думала, вас вместе прислали.

— Мне казалось, его прислали с вами, — парировал Кузьмичёв.

Когда водитель вернулся с пустыми руками, в салоне автомобиля повисла неловкая тишина. От этого странного типа не укрылись изменения, но он решил не развивать тему. А когда через пару минут машина выбралась из ямы, мы окончательно убедились, что с этой ситуацией явно что-то не так.

Около полуночи мы заметили огни Новомихайловска, но попасть туда нам не вышло.

— Значит, слушайте меня внимательно, — сурово произнёс водитель, остановив машину. — Мы все — контактные с серьёзным больным. Диагноза не знаем, как лечить эту болезнь неизвестно. До тех пор, пока мы не убедимся, что все присутствующие здесь безопасны, придётся оставаться на карантине.

— О каком карантине речь, если можно лично убедиться, что ни у кого из нас нет этих пятен? — возмутился Артём.

— Как это сделать? Я лично не могу быть уверен, — упёрся водитель. — Как никто из вас не может быть уверен в том, что эти пятна не появятся через пять минут, или позже.

— У Федотова пятна появились сразу, — заметил Мокроусов.

— А вы и не сможете ничего увидеть, потому как не владеете даром исцеления, — объяснил я.

— А с какой стати какой-то егерь решает что нам делать? — возмутился Артём.

— С той самой, что я не егерь, — мужчина полез во внутренний карман пиджака и выудил оттуда удостоверение бойца службы имперской безопасности. — С самого начала я курировал эту поездку, следил за действиями всех участников и анализировал ситуацию в поселении. У меня не было повода вмешиваться раньше, но теперь он появился, и пришлось раскрыть себя.

— И долго нам сидеть в изоляции? — сменил тон Мокроусов, решив не идти против системы.

— Пока целители не убедятся, что вы безопасны для общества. И потом, вы должны рассказать о том, что произошло в поселении.

— А что будет с теми, кто остался?

— Я передал информацию своему начальству, оно оценит риски и примет решение. Честно говоря, я бы вообще стёр с лица земли эту деревеньку со всеми жителями, чтобы избежать рисков заражения остального государства, но решать не мне.

— И нас бы тоже стёрли с лица земли? Так, на всякий случай? — задал я логичный вопрос. Мне ответом послужил долгий строгий взгляд, который говорил лучше любых слов. Будь это самым простым и надёжным решением проблемы, этот человек не стал бы сомневаться.

— Мы поедем прямо до Градовца, там уже готовят изолятор, — сообщил имперский ищейка. — Чуть позже вас вызовут на допрос. Ситуация крайне опасная, и я советую вам отнестись к ней со всей серьёзностью.

Я прокручивал в голове варианты как выбраться из ситуации. Предположим, общими усилиями мы можем одолеть этого типа. Три разряда энергии, выпущенные одновременно, наверняка заставят его изменить планы. Но куда потом идти? Информация о контакте с опасной болезнью уже передана, нас будут искать все: от провидцев и целителей до имперской службы безопасности. И потом, в наших же интересах донести информацию до коллегии и заручиться их поддержкой в решении этого вопроса.

Мы ехали всю ночь, и только ближе к утру добрались до окраины Градовца. Энергии в кристалле оставалось совсем немного, ещё пару часов путешествия, и аккумулятор пришлось бы менять, но он и так справился отлично. Мы преодолели больше тысячи километров в обе стороны по бездорожью. Ни один автомобиль в нашем мире не обошёлся бы без дозаправки.

Я поймал себя на мысли, что стараюсь думать о чём угодно, но только не о грядущей проблеме, и не об изоляторе, в который нас должны поместить на карантин.

— Ждите здесь! — распорядился мужчина, вышел из машины и запер двери, когда мы подъехали к барже.

— Где это мы? — поёжилась Лера.

— Переправа на Вещий остров, — вспомнил я место, откуда отправлялся навещать Радимова на реабилитации и отца после вживления бионического импланта. — Судя по всему, мы поедем туда.

— Не нравится мне это, — пробормотал Артём. — Слышали его? Этот псих готов всех нас прикончить, лишь бы только избежать опасности.

— В какой-то степени я его понимаю, — признался я. — Но его волнение явно излишне. По факту заразился только Федотов. Даже мы, несмотря на то, что использовали внутреннее зрение, не получили тёмные пятна. И потом, я готов поспорить, что мы сейчас в полной безопасности. Хотя бы потому, что целители во что бы то ни стало захотят разобраться с этой проблемой, а мы владеем нужной информацией.

Несмотря на опасения, в изоляторе были созданы комфортные условия. Если бы не обстановка, можно было бы считать происходящее дополнительным отпуском в пансионате с питанием и видом на реку. Но расслабиться и как следует разобраться с мыслями нам не дали. Уже через час после нашего заселения к нам наведался Радимов, а нам пришлось в деталях пересказать ему детали случившегося. Почему-то мне показалось, что Егор Алексеевич не сильно удивился, выслушав наш рассказ. Если бы мне о таком рассказали, у меня бы глаза на лоб полезли, а заведующий выслушал доклад с каменным лицом.

— Кто-то из вас заражён? — поинтересовался он, обведя нас взглядом.

— Никто, — отчеканил Мокроусов. — Заразился только Федотов, но он остался в поселении.

— Отлично. Экстренное заседание медицинской коллегии уже созвали, скоро они будут здесь. Когда вам дадут слово, постарайтесь в мельчайших деталях вспомнить и описать всё, что видели, — произнёс Радимов, строго глядя на нас, будто от наших слов зависело будущее человечества.

Мы вошли в просторный зал, в котором сидели пять человек. По центру расположилась председатель градовецкого отделения медицинской коллегии. Рядом с ней сидел Знаменский — главный целитель Первой городской больницы. По другую сторону стола — Удалова. Ольга Алексеевна была не единственным представителем нашей больницы. Закрыв за нами дверь, крайнее место в ряду занял Радимов. Остальные члены комиссии мне были неизвестны.

Честно говоря, я чувствовал себя немного неуютно, словно по моей вине произошла какая-то серьёзная неприятность, и теперь я оправдывался перед комиссией в том, что натворил. И пусть формат был не самый подходящий, ход встречи мне понравился. Сразу сложилась рабочая атмосфера, и мы уже не просто делились случившимся, а передавали ценный опыт, который некоторые члены комиссии стенографировали в свои блокноты.

После заседания Радимов догнал нас в коридоре.

— Спасибо, вы хорошо поработали, — заявил он. — То, что вы рассказали, очень важно! Эта информация, может перевернуть наши представления об этой проблеме.

— Что значит «перевернуть»? Раньше об этом было известно? — удивился Артём. — Почему мы не слышали?

— А ты сам как думаешь? — поинтересовался заведующий. — Если бы о проблеме рассказали, началась бы паника. Носители дара требовали бы незамедлительных действий, а всех поражённых болезнью пытались бы уничтожить. Люди порой способны на безумные вещи. Особенно, если ими управляет страх.

Я припомнил случаи, когда именно с помощью страха перед опасностью обществом умело манипулировали политики и все, кому хотелось нагреть руки на проблеме.

— Раньше такие пациенты уже попадали на Вещий остров, но сейчас никого из них не осталось в живых, а о болезни забыли и считали давно исчезнувшей. Гниль, как её называют здесь, забрала всех. Кто-то продержался лет пять, другие угасали быстрее, не сумев отказаться от использования дара.

— Вы сказали, что наша находка перевернула представления о проблеме, — ухватился я за волнующую меня фразу, оброненную Радимовым. — Но чем мы помогли своим открытием?

— Прежде считали, что это порок, который возникает у некоторых одарённых, но никому не удавалось установить природу возникновения этой болезни. Когда удалось выяснить, что она передаётся от одного одарённого к другому, во время соприкосновения энергии, её назвали энергетической гнилью и стали считать заразной. Случай появления «гнили» в изолированной деревне доказывает, что первопричина — не вирус, потому как найденный вами пациент — единственный носитель дара, не контактировавший с другими одарёнными.

— Он контактировал с отцом, носителем дара. Учитывая, что его отец предупредил об опасности использования дара и уже умер, можно сделать определённые выводы.

— А как оборотники могли обмениваться энергией, чтобы заразиться? — заспорил Радимов.

В кабинете повисла тишина. Мы столкнулись с действительно сложной задачей. Будь здесь Федотов, он бы назвал её задачкой со звёздочкой.

— Выходит, Вениамин Борисович обречён, и скоро умрёт? — упавшим тоном произнесла Лера.

— Мы доставим Федотова сюда и будем наблюдать. Как вы успели заметить, диагностика не опасна. Может, удастся найти разгадку.

— Или эта болезнь снова заберёт своих жертв и исчезнет на какое-то время, — закончил Артём.

— Давайте зайдём с другой стороны, — предложил Радимов. — Что мы знаем об этой болезни?

— Она поражает энергетическое ядро, — начал Мокроусов. — Передаётся другим одарённым при обмене энергиями, её нельзя вылечить с помощью дара, потому как от прилива энергии она лишь крепнет.

— Но лекарственными травами её не вылечить, — грустно усмехнулась Лера. — Тогда я вообще не понимаю в чём дело.

На следующий день нас выписали из изолятора, и мы вернулись к работе. Пришлось подписать документ о неразглашении, потому как любая информация могла стать разрушительной, но сведения всё-таки успели попасть в газеты ещё до того, как мы покинули изолятор. К счастью, мы были вне подозрений.

— «Целители отыскали ранее неизвестную болезнь в затерянной деревне», — цитировал заголовки газет Мокроусов. — «Неведомая болезнь грозит всем одарённым».

— Журналисты успели добраться до деревни, прежде чем её успели закрыть для посещения, — объяснил Радимов.

Новость вызвала широкий резонанс. Целый ряд деятелей обвинял артефакторов, забывая, что они тоже владеют даром и их эта проблема касается не меньше, чем остальных. Даже в Градовце зафиксировали несколько случаев нападений на артефакторов и поджогов их мастерских. Разумеется, новость мгновенно подхватил профессор Жжёнов, которого с недавних пор считали погибшим. Его лекции, в которых он обличал одарённых с талантом создавать механизмы, обрели большую популярность.

Кроме того, появились предприимчивые дельцы, продававшие защитные талисманы, якобы защищавшие от этой болезни.

— Надо же! — удивлялся Радимов. — Целители ломают головы над тем, как помочь больным, а они уже давно всё придумали. Может, нам всем уйти, и предоставить возможность проходимцам с улицы лечить пациентов?

— Представляю, какой тогда хаос начнётся, — покачала головой Сарычева.

Через пару дней на Вещий Остров привезли Федотова, и в первый же свой выходной мы с Лерой отправились, чтобы проведать его. Мужчина держался на удивление бодро и спокойно, но мне показалось, что он уже был на стадии принятия, когда удаётся смириться с неизбежным. Нам запретили использовать внутреннее зрение, но это и не понадобилось.

— Гниль усиливается, — сообщил нам Вениамин Борисович. — Она пожирает энергию, которая восстанавливается со временем. Болезнь прогрессирует. Причём, чем сильнее одарённый, чем выше скорость регенерации энергии, тем быстрее происходит процесс разрушения. Целители дают мне пару лет, но мне кажется, всё случится скорее. Я не хочу торчать здесь без дела и ждать, пока всё закончится.

— Мы непременно найдём способ помочь вам, — пообещал я, хоть и понимал, что эта задача практически невыполнима.

По пути домой я прокручивал варианты решения проблемы. В голову пришла одна дерзкая мысль, но она была невероятно опасной, поэтому я пока не спешил делиться ей с кем-то, даже с Радимовым. Но в скором времени мне пришлось обо всём рассказать, потому как появилась новая информация о странном болезни.

— Костя, Артём, вы срочно нужны мне, — заявил Радимов, ворвавшись в отделение, когда я отработал ночное дежурство, а Мокроусов только готовился его принять в составе своей бригады.

— Федотов? — предположил я, но Егор Алексеевич отрицательно покачал головой.

— В Москве обнаружили новый случай появления энергетической гнили. На этот раз у повелителя стихий. Нас туда никто не зовёт, но появилась информация, которую вам следует знать.

Радимов многозначительно замолчал и дождался, пока мы не зайдём в его кабинет. Внутри уже сидели Сарычева, Тарасов и Тихомирова. Мы по привычке устроились в креслах, а Егор Алексеевич запустил проектор, и вывел на экран фотографию мужчины лет тридцати пяти на вид.

— Вяземский Фёдор Михайлович, владелец сети гостиниц по всей Москве. Но нас интересует не его капитал, а то, как он получил энергетическую гниль. Вяземский пытался усилить своё ядро с помощью целителей — популярная процедура, которая подразумевает резкий рост мощи одарённого без многолетних тренировок. Услуга невероятно популярная среди аристократов, которая проводится в частных клиниках. Целители вливали энергию, воздействуя напрямую на ядро. Какое-то время оно поглощало энергию и действительно увеличивалось, но затем, когда вот-вот должен был случиться перегрев, и целители собирались остановиться, поверхность ядра покрылась чёрными пятнами.

— Выходит, мы теперь знаем причину возникновения болезни! — оживился Артём. — Или хотя бы одну из причин.

— Верно! А зная причину её появления, мы приблизимся к её решению.

— У меня есть идея, как победить болезнь, но я не уверен, что это сработает, — признался я.

— Выкладывай, — скомандовал Радимов.

— Решение задачи методом инверсии. Если болезнь получает силу, поглощая энергию, мы должны лишить её подпитки, и тогда она будет уничтожена. Больше энергии — тяжелее болезнь, меньше энергии — слабее распространение гнили.

— Это и так случается, когда носитель болезни погибает, — хмыкнул Тарасов. — Ничего нового ты не предложил.

— Вы не поняли, — стоял я на своём. — Вяземский получил излишки энергии, отчего ядро стало работать некорректно. Эти «пятна» — не вирус, как мы думали изначально, а порок энергетического ядра, которое не справляется с расширением. Своего рода наказание за алчность и желание получить больше, чем дано природой, не прикладывая при этом труда. Помните слова оборотника, встреченного в той самой деревне? Родовое проклятие! А когда мы попытались понять в чём суть этого проклятия, мужчина ответил, что виной стала непомерная алчность его семьи.

— Не понимаю, причём здесь болезни, проклятия и всё остальное, — замотал головой Николай Юрьевич. — Мы имеем дело с банальным перегревом!

— Перегрев ядра не передаётся другим одарённым, и не поглощает энергию, — возразил Радимов. — Я бы сказал, что это скорее преобразованная целительная энергия, работающая наоборот. Она не исцеляет, а поглощает энергию.

— У меня есть объяснение, — продолжил я, когда споры немного угасли. — Проклятием люди назвали эту болезнь, потому как не могли объяснить её природу, и дали понятное им объяснение. Но по факту это порок ядра, вызванный слишком высокими нагрузками и резким ростом, которого невозможно достичь обычным образом. Если «пятна» пожирают энергию и разрастаются, то мы должны вытянуть энергию из ядра, и тем самым уничтожить их. Да, есть риск, что одарённый умрёт. Существует немалый шанс того, что ядро навсегда останется в зачаточном состоянии, и одарённый никогда не сможет пользоваться даром. Но мы должны попробовать.

— Вы же понимаете, что соприкасаясь энергией с одарённым, вы сами заразитесь? — задал вопрос Тарасов.

— А мы и не будем соприкасаться! — меня осенила мысль, которую я хотел попробовать. — Заражённый должен избавиться от энергии, перелив её в кристаллы, или выплеснув наружу. Именно потратить энергию, а не направлять её на заражённые участки. А когда запас энергии полностью опустеет, и ядро станет беззащитным, мы сможем нанести по нему удар и потушить, чтобы потом снова зажечь.

— Звучит очень опасно. — произнёс Егор Алексеевич. — Не думаю, что найдутся желающие рискнуть. Да и кто позволит нам провести подобную операцию?

— Желающие найдутся, — заверил я. — Думаю, Фёдоров согласится стать подопытным пациентом. А оперировать буду я. Раз выразил идею, то и реализовывать её мне.

Глава 3. Переход

Разумеется, многие целители восприняли мою идею негативно. Самой ярой противницей была главная целительница нашей больницы, которой совсем не хотелось, чтобы в отделении появлялся такой больной. И тем более, ей совершенно не хотелось рисковать своими целителями. Но неожиданно мою идею поддержал Радимов.

— Достаточно! — заявила Удалова. — Я и так потеряла Вениамина, а теперь ещё и вас двоих могу потерять? Для больницы это будет катастрофа! Вы разве не понимаете, что подвергаете риску свои жизни?

— Сотни артефакторов, целителей и простых учёных рисковали своими жизнями, чтобы продвинуть прогресс! — возразил я. В голове уже формировались воспоминания о примерах, когда врачи тестировали лекарства на себе, чтобы помочь людям, но всё никак не удавалось припомнить хоть один пример для этого мира. Не потому, что таких случаев не было, просто мои познания в истории медицины были недостаточно хороши. Делая упор на более важных предметах, я обделил вниманием эту область науки.

— Ольга Алексеевна, мы уверены в успехе, — попытался успокоить целительницу Радимов. — И потом, успешная операция прославит нашу больницу, привлечёт внимание и инвесторов. А вы сами знаете как тяжело нам выбить средства для оснащения отделения всем необходимым.

Радимов давил на больную точку. Пусть больница и стояла на балансе государства, а поставки лекарственных средств давно возобновились, для полноценной работы их всё равно не хватало. Я знал, что Егор Алексеевич частично оплачивает расходы со своего кармана, чтобы приобрести всё необходимое. Хотя, если быть точным, не со своего, а из кармана особых пациентов, иногда попадающих в наши индивидуальные палаты. Радимов никого к ним не пускает и лично ходит на осмотр и процедуры. В плюсе остаются все — у отделения есть пациенты, целители не испытывают больших нагрузок, а у отделения есть средства, чтобы закрыть дыры в финансировании и предоставить остальным пациентам достойные условия лечения и содержания.

— Константин Юрьевич, вы же понимаете, что эта операция слишком рискованная? — Удалова отчаялась образумить Радимова и принялась за меня. — Никто не может дать гарантии, что вы достигнете успеха. Вы ведь понимаете, что есть шанс заразиться и провести остаток дней в изоляции?

Удалова давила, но я твёрдо стоял на своём. Я понимал, что Ольга Алексеевна всё делает правильно. Цена ошибки слишком высока, и мне стоит понимать, что я ставлю под угрозу не только своё будущее. Что будет делать Лера, если меня до конца жизни упекут в изолятор на Вещем острове? А Радимов? Если заразится и он, это будет означать конец карьеры. Может, мы тоже стали слишком алчными и гордыми, ослеплёнными собственным могуществом, и не понимаем, что некоторые вещи должны оставаться такими, какие они есть?

Нет! Я сотню раз прокручивал в голове свою идею, и понимал, что должен попробовать. Пока есть такая возможность. Ради будущего, ради науки и Федотова, которому жить осталось всего несколько месяцев.

— Если мы не попытаемся, то Федотов и Вяземский точно умрут, — заметил я. — И никто не знает сколько будет тех, кто пострадает после, прежде чем отыщется подходящий способ лечения. Мы готовы пойти на риск!

Исчерпав все доводы, Удалова согласилась. Но операцию мы проводили на Вещем острове, чтобы обезопасить остальных пациентов отделения. Если окажется, что эти «пятна» могут распространяться внутри помещения без контакта с одарёнными, это будет катастрофой для всей больницы, а то и города. Хотя, я в это не верил, иначе проблема давно переросла бы в эпидемию, выкашивающую носителей дара тысячами.

Операцию проводили мы с Радимовым. Несмотря на мой протест, Егор Алексеевич взял на себя ответственность за происходящее. Знаю, что он ни за что бы не согласился, если бы не верил в успех, но всё равно это был ненужный риск с его стороны. Возможно, я бы справился и сам, но мне не хватало уверенности в том, что удастся верно рассчитать необходимый объём энергии для выжигания ядра, или не удастся запустить его заново своими силами.

Помимо нас в операционной должны были присутствовать наблюдатели, которым хотелось проследить за ходом операции. Не стажёры, а младшие и старшие целители, желавшие увидеть уникальную операцию. Среди них были Мокроусов, Тихомирова и Лера. Я не хотел, чтобы жена волновалась, но дома она будет сходить с ума из-за неизвестности, а тут поддержит и узнает обо всём одной из первых. Но уже перед самой операцией их заставили выйти в коридор и наблюдать за происходящим через стекло. Никакого энергетического вмешательства в то, что происходит с пациентом. Но дело было не в том, что наблюдатели могут помешать. Все прекрасно понимали, что это сделано, дабы обезопасить их на всякий случай. А случай действительно мог быть какой угодно, и все это прекрасно понимали.

— Веня, возьми в руку кристалл и наполни его своей энергией, — попросил Радимов. Просить Федотова направлять энергию в пустоту было неосмотрительно. Мы прекрасно понимали, что закон сохранения энергии никто не отменял. Рассеиваясь в воздухе, энергия насыщает окружающее пространство. И очень бы не хотелось узнать, что «пятна» могут передаваться таким образом.

Вениамин Борисович послушно взял в руку кристалл и сосредоточился, передавая ему свою энергию. На это потребовалось какое-то время, потому как при слишком высокой скорости передачи энергии кристалл попросту расколется, а энергия вырвется наружу. Мы и так использовали дорогой органический кристалл, формировавшийся в природе, а не выращенный искусственно. Фальшивые кристаллы были слишком нестабильны, вмещали куда меньше энергии, а скорость передачи энергии оставляла желать лучшего. Говорят, что в императорской короне установлены драгоценные камни, в которых хранится энергия, но я не особо верю в эти сказки.

Нам пришлось делать небольшой перерыв, пока каналы Федотова немного остынут, потому как запас энергии у целителя был большой, а отдать её всю за один раз было проблематично. Энергия расходовалась, и «пятна» понемногу уменьшались. Вот только регенерация энергии вернёт всё к изначальному состоянию, и даже усилит эффект. Если у нас ничего не выйдет, провал сократит жизнь целителю на пару месяцев.

— Готов? — поинтересовался Радимов, посмотрев на меня. Уже два кристалла были заполнены до отказа, а Федотов работал над третьим.

— Приступаю к формированию заряда, — отозвался я, полностью сконцентрировавшись на задаче.

— Достаточно! — отозвался Егор Алексеевич, следивший за моими действиями с помощью внутреннего зрения.

Как только Вениамин Борисович закончил процедуру, бессильно распластавшись на операционном столе, я нанёс удар. Энергии требовалось очень много. Выжигать чужую энергию не требовалось — ядро уже было пустым, но пробиться через защитный барьер, а потом нагреть его так, чтобы оно выгорело, оказалось непросто. Повезло, что всё это время Федотов активно расходовал энергию, и его ядро заметно перегрелось.

Целитель издал короткий хрип и выгнулся дугой, когда моя энергия ворвалась в его энергетическое тело. С помощью внутреннего зрения я видел как разрушается ядро и становится чёрным. Но это были не «пятна». Это значило, что ядро стало непригодным для использования. И что самое невероятное, начать реанимационные мероприятия незамедлительно не выйдет — энергетическое тело ещё не остыло, ему требуется немного времени. В этом и заключалась сложность операции. У нас просто нет права на ошибку, потому как приходилось балансировать между смертью пациента и возможностью спасти его.

— Работаем! — вмешался Радимов по истечении минуты.

Я прижал ладонь к солнечному сплетению Федотова, пытаясь найти кратчайший путь к ядру, и начал понемногу наполнять его энергией. Долгое время ничего не происходило, а мне

казалось, что прошла целая вечность. Но спешить нельзя — малейшая поспешность, случится перегрев, и пациент умрёт.

— Костя, формируй заряд! — скомандовал Егор Алексеевич, убедившись, что здоровой целительной энергии внутри ядра достаточно, чтобы начать оперировать.

Вспышка энергии ворвалась в тело Федотова и погрузилась в тёмную выгоревшую поверхность ядра. Казалось, будто кто-то уронил факел в глубокий колодец. Сначала ничего не происходило, и я уже готовился повторить процедуру, но затем произошла яркая вспышка, и ядро загорелось.

— Получилось! — закричал я, и только теперь позволил себе отвлечься, чтобы осмотреть своё ядро. С облегчением отметил, что на нём не было ни пятнышка.

— Не спеши с выводами, — хмурился заведующий. — Сердце Вениамина Борисовича всё ещё не бьётся.

Я оставил диагностику и занялся восстановлением повреждённых каналов, будто заправский целитель, но Радимов меня остановил.

— Костя, запусти пока сердце и обеспечь нормальные жизненные показатели, а энергетическое тело оставь мне.

Я невольно почувствовал обиду, потому как работа с каналами и узлами — это уже высший пилотаж, но я с этой задачей справлялся отменно. Но Радимов решил не рисковать и взял эту ответственную работу на себя. Впрочем, и мне досталась непростая задача. Как сказал бы Федотов, будь он в сознании, задачка со звёздочкой.

Организм целителя был сильно истощён, поэтому запустить сердце удалось лишь с третьей попытки, когда казалось, что всё потеряно. Зато у Радимова лечение каналов прошло гладко, и через полтора часа активной фазы операции мы могли перевести Федотова в индивидуальную палату под присмотр дежурных целителей.

С облегчением я обнаружил, что ни у меня, ни у Радимова «пятен» не появилось, а это значит, что нам удалось победить энергетическую гниль. Правда, никто не спешил выпускать нас их изолятора. Нам предстоит провести здесь время до завтра, но поздравления от коллег и близких позволили получить прямо сейчас.

Мы встретились с каждым из зрителей. Лера делилась своими переживаниями, Тихомирова поздравляла с достижением, Тарасов называл нас безумцами с бесконечным запасом везения. Один только Мокроусов не подошёл. Чуть позже я сам решил заговорить с Артёмом, стоявшим в стороне.

— Поздравляю! — нашёл в себе силы улыбнуться Артём. — Теперь точно жди приглашения в Москву. Они не упустят возможности заполучить такого ценного специалиста.

— А ты завидуешь? — прямо задал я вопрос. У нас с Мокроусовым с первых дней знакомства установились доверительные отношения, поэтому я мог спокойно задавать интересующий меня вопрос и рассчитывать получить на него максимально честный ответ.

— Нет, дело не в тебе. Просто… Я запутался, Костя. А насчёт твоего вопроса — знаешь, я бы не отказался поехать в Москву, — задумчиво ответил парень. — Мне там понравилось. Да и шансов раскрыться куда больше.

— А я не хочу туда возвращаться. Я не тот человек, который любит красивую жизнь, мне никогда не хотелось вписывать своё имя золотыми буквами в историю. Я обязан всем Градовцу и отделению, где смог раскрыться. Да, ещё есть куда стремиться, но основа уже заложена.

— Вот поэтому и не стоит останавливаться на середине пути, — подхватил Артём. — Ты уже многое сделал, но чего ты добьёшься здесь? Будешь всю жизнь оперировать тех, кто попал в аварию, или загнал занозу в палец?

— А кто это сделает, если не я? — задал я логичный вопрос.

— Да брось! Здесь полно целителей, которые даже не заметят твоего отсутствия. Ты зарываешь свой талант! В московских клиниках такие вот операции, как ты сейчас провёл, приходится делать едва ли не каждый день.

— Сомневаюсь, что именно такие, — улыбнулся я. — Всё-таки наша операция — первая в своём роде.

— Костя, ты понимаешь о чём я, — тряхнул головой Мокроусов. — Ты нужен там, а не здесь.

К нам подошли Радимов с Тарасовым, и разговор временно прекратился, но я прекрасно понимал, что он продолжится снова. Мне показалось, Егор Алексеевич с Николаем Юрьевичем краем уха услышали суть нашего разговора, но сделали вид, что ничего не разобрали.

— Теперь мы можем вылечить Вяземского и того оборотника, — вспомнил я, когда Радимов отвёл меня в сторону.

— На Москву даже не рассчитывай, — улыбнулся Радимов. — Разумеется, мы поделимся своим опытом и поможем коллегам успешно провести ситуацию, но нас туда никто не позовёт.

— Почему? — удивился я, потому как такой вариант казался мне вполне разумным. Пусть не меня зовут, так Радимова точно.

— Потому как тогда им придётся признать, что мы в чём-то лучше, а в столичных клиниках полно гордых специалистов, которых явно задел наш успех. Кстати, у тебя через год заканчивается обязательная отработка, но я уверен, что другие больницы выстроятся в очередь, чтобы перевести тебя к себе. Особенно, после сегодняшней операции. Поэтому хочу задать тебе важный вопрос: я могу рассчитывать на тебя? Если ты примешь решение уйти, я пойму, но мне важно знать твою позицию, прежде чем отвечать на запрос.

— Можете на меня рассчитывать, Егор Алексеевич. Я остаюсь в Градовце.

Через несколько дней мы с Артёмом встретились после моего ночного дежурства. Мокроусов всё ещё пребывал в подавленном состоянии. Я чувствовал, что ему нужно поговорить с кем-то, поэтому подошёл первым.

— Тём, ты в последнее время сам не свой, — начал я.

— Не обращай внимание, просто с Ниной разругались, — отмахнулся он. — Понимаешь, она постоянно меня строит, учит как жить, пытается сделать из меня какого-то прилизанного интеллигента, а мы с ней даже не встречаемся, понимаешь! То есть, она требует полностью изменить свою жизнь, но ничего не предлагает взамен. А ещё, у нас постоянно возникают ссоры. Вот и в этот раз…

Я вспомнил наше первое знакомство, когда Нина с презрением смотрела на Мокроусова из-за его резких заявлений. Судя по всему, между ними снова пробежала кошка. И кажется, я даже знаю имя этой пушистой негодницы.

— Из-за Элины? — догадался я.

— Да, всё дело в Гросс, — согласился Артём. — Нина даже слышать о ней не хочет и повторяет всю ту ерунду, которую разгоняют недоброжелатели Элины.

— А ты что? — мгновенно поинтересовался я, желая услышать позицию друга.

— А я за справедливость. Согласись, клеймить человека, не имея доказательств, просто нелепо. Тем более, я уверен, что Гросс не станет опускаться до подобной низости.

— И поэтому вы поругались?

— Да, — ответил парень. — Хотя, не совсем поэтому. Просто с Ниной я чувствую себя мальчишкой, которого она постоянно пытается перевоспитать. При этом мы даже не встречаемся, а просто дружим. А Элина… Она совсем другая. Она не перевоспитывает, Гросс выбирает того меня, который ей нравится больше. Не заставляет меняться, а поддерживает качества, которые ей нравятся больше всего, и я сам хочу быть тем, кто ей нравится, но при этом оставаться собой.

— А ты сам как к ней относишься?

Мокроусов ответил не сразу. Кажется, он сам пытался разобраться со своими чувствами.

— Понимаешь, после бала между нами возникла какая-то химия. Ты помнишь что я думал о ней, когда мы садились в поезд на Москву? Всего за пару дней всё кардинально поменялось.

Артём хотел ещё что-то сказать, но в этот момент дверь в отделение открылась, и в коридоре появилась Элина. Девушка была одета в строгое платье, а её каблучки на туфельках звонко стучали, когда она шла по отделению. Увидев девушку, Артём замер, словно язык проглотил. Казалось, она привлекла всё его внимание, и он даже позабыл о моём присутствии.

— Всем добрый день! — произнесла Элина, изобразив дежурную улыбку. Она могла ввести в заблуждение кого угодно, но не меня. Я уже не раз видел подобную ухмылочку у аристократов. Элине не удастся обвести меня вокруг пальца.

— Добрый день, — отозвалась Сарычева, принявшись пристально рассматривать гостью. Появление Гросс в нашем отделении вызвало внимание у всех женщин без исключения. Если Нина Владимировна смотрела с интересом, Уля с явной завистью, то Штерн щурилась с нескрываемым презрением. Очевидно, Ульяна завидовала гостье, потому как после родов её фигура немного изменилась, а Гросс могла похвастаться стройной фигурой. Но почему Штерн смотрит с таким презрением? О чувствах девушки я могу только догадываться. Быть может, такую реакцию ей привили в приюте, потому как у богатых аристо есть деньги, все возможные блага, и самое главное — родители. Представляю, что пережила София, когда осознала, что сама стала одной из тех, кого презирала. Хотя, ещё не стала, потому как их отношения с отцом пока оставляли желать лучшего.

— Тёма, привет! У меня для тебя отличные новости. Собирайся, нас ждут в Москве!

— Нас? — опешил Мокроусов.

— Да. Поступило официальное приглашение. Мы выиграли конкурс на вакантные должности в Долгоруковском районе Москвы. Завтра нас ждут в столице.

— Погоди, но я не могу вот так собраться и уйти, — неожиданно дал заднюю парень, словно не он пару дней назад мечтал о переезде. — У меня вообще-то дежурство через час начинается…

— Артём! — произнесла Гросс, а в её голосе прозвучали стальные нотки. — Такой шанс выпадает раз в жизни. Если ты не готов воспользоваться им, тебе легко найдут замену. Не понимаю что тебе мешает прямо сейчас начать собирать вещи, ведь все вопросы с переводом будут улажены на уровне руководства.

— У меня здесь друзья, на меня рассчитывают, — пролепетал парень, оглядываясь на меня.

— Поверь, твои друзья никуда не денутся, а на дежурство может выйти кто-то другой. Найти замену не так-то и сложно. Вон, Дорофеев тебя выручит, он ведь твой друг.

— Я должен подумать, — сдался целитель.

— У тебя есть сорок минут. Ты либо навсегда останешься в тени своего отца, либо получишь шанс вырваться из тени покойного Петра Афанасьевича и вписать своё имя в историю.

— А как можно вписать своё имя в историю, просто перебравшись в рядовую больницу Москвы? — задала логичный вопрос София. — Я чего-то не понимаю?

— Там больше перспектив. Здесь тебя никто не заметит, серая мышка. А в Москве, имея связи, талант к целительству и упорство, можно быстро взлететь по карьерной лестнице, учиться у лучших целителей, перенимать их опыт и оперировать сложнейших пациентов, которых везут в столицу со всей страны, — Элина повернулась к Мокроусову и выдала фразу, которая была призвана окончательно запутать парня. — И заметь, я хочу услышать положительный ответ, потому как от твоего решения во многом зависит и моя судьба.

А она умеет манипулировать! Настоящий мастер манипуляций. Элина понимала, что оставлять Артёма с нами наедине никак нельзя, но иного пути у девушки не было. Возможно,

она только сейчас узнала о перспективе перебраться в столицу, или хотела, чтобы Мокроусов при всех принял приглашение и отрёкся от нашего отделения. Но этого не произошло, и теперь переезд оказался на волоске.

— То есть ты сейчас назвала Егора Алексеевича и всех остальных бесталанными пустышками? — подскочила София, готовая вцепиться в волосы гостье.

— Ещё раз прокрути в голове мои слова, — парировала девушка. — Похоже, до тебя не сразу доходит, или с восприятием проблемы.

— Егор Алексеевич, что вы посоветуете? — обратился за помощью к Радимову Артём, заметив заведующего в коридоре. Вот ведь умеет он всегда появляться там, где что-то происходит!

— А что тут советовать? Это твоя жизнь, Артём, — пожал плечами целитель. — Да, так не делается, ты нас подведёшь, но мы это переживём. Как-то ведь переживали уход Бричкина, Писемского и других.

Ха! Гросс нашла непростого соперника! Радимов не пытался удержать Артёма, понимая, что если тот хочет уйти, лучше так и сделать. Но он чётко объяснил, что своим поступком Мокроусов поставит себя на один уровень с негодяями, которых в отделении помнят только в негативном ключе.

— Друзья мои, прошу не толпиться в коридоре и возвращаться к работе! — скомандовал Радимов. — Пока Артём принимает судьбоносное решение, у нас полно работы, потому как наши проблемы никто не отменял.

Наша бригада отправилась проверять состояние пациентов перед окончанием дежурства, а ординаторская оставалась в распоряжении второй бригады. Вернувшись с осмотра, мы застали там Мокроусова. Артём сидел, на стуле, уставившись взглядом в стену, и даже не пошевелился, когда мы вошли.

— Тём, с тобой всё в порядке? — поинтересовался я.

— Что? — отозвался парень, вынырнув из пучины собственных мыслей.

— Ты как вообще? — спросил я, сев напротив.

— Знаешь, возможно, впервые за последние несколько лет я в растерянности и не знаю что делать. В последний раз подобное случалось со мной после смерти отца.

— Это серьёзное сравнение, — ответил я, присаживаясь рядом. — Рассказывай, что выбило тебя из колеи.

— Гросс, — ответил парень. — Ты ведь слышал её предложение.

— Слышал. И полагаю, что ты не знаешь как быть. Понимаешь, с Гросс ты всегда будешь ведомым. Она будет подавлять тебя и руководить. Но успеха ты добьёшься, за этим Элина проследит. А если не оправдаешь её ожидания, она обвинит тебя в том, что ты не хочешь развиваться и не стремишься к успеху.

— И что мне делать? — задал вопрос Артём, будто я должен был помочь ему принять единственно правильное решение.

— Я считаю, что Гросс манипулирует тобой. Ты — очередной пункт её плана. Для чего она хочет использовать тебя, я не знаю, но уверен, что это так. Надеюсь, она хочет сделать из тебя известного целителя, чьё влияние будет использовать в своих целях. Но можно быть частью команды, а можно быть марионеткой. Выбирать тебе.

— Спрошу совета у Старшей, — решил Мокроусов.

Тихомирова как раз только пришла на работу и была потрясена новостью. Катя решила пообщаться с Артёмом с глазу на глаз. Никто не знал о чём они говорили, но вышли только за пять минут до начала дежурства.

— Спасибо! — горячо произнёс Мокроусов, выйдя в коридор вслед за Катей. — Ты не понаслышке знаешь как всё устроено в столице, поэтому твой совет был самым ценным…

— Мокроусов, вы ещё здесь? — удивился Радимов, вернувшись в отделение.

— Да, Егор Алексеевич. Поговорив с Костей и Старшей, я принял решение…

— Очень хорошо, потому как документы на перевод уже подписаны.

— Как подписаны? — опешил Артём.

— Вы же сами говорили, что вопрос с вашим переходом уже практически решён, с Москвы напирали, потому как целитель им нужен как можно скорее, вот мы и решили не затягивать процесс. От вас, Мокроусов, нужно только согласовать длительность контракта, но это вы решите уже после периода обязательной отработки. Желаю удачи на новом месте. Уверен, вы с достоинством представите Рудинскую академию и Градовецкую больницу в столице. Ваш отец вами гордился бы.

— Егор Алексеевич, вы от меня хотите избавиться? — дрогнувшим голосом произнёс парень. — Я очень хочу в Москву, но не такой ценой…

Радимов ненадолго замялся, а потом положил руку Артёму на плечо и отвёл его в сторону.

— Артём, поверь, пусть у меня ещё нет детей, но вы все для меня, как родные дети. Я забочусь о каждом из вас. Тем более, Пётр Афанасьевич был моим другом и наставником, я обещал ему присмотреть за тобой. Присмотреть, а не держать рядом. Именно поэтому я советую ехать в Москву и пробовать. Если не сложится, ты всегда сможешь вернуться, но я уверен, что Гросс поспособствует тому, чтобы ты добился успеха.

— Откуда такая уверенность? — удивился парень. — Вы ведь даже не знакомы с ней.

— Артём, поверь моим словам, я достаточно хорошо знаю отца Эли. Более того, заведующий отделением общей практики в больнице Долгоруковского района — мой старинный товарищ по академии, мы учились с ним в одной группе. Поэтому я уверен, что в Москве у тебя всё получится.

Я не мог поверить, что Радимов так быстро изменил своё решение. Причём, буквально сам спровадил Мокроусова в Москву. Очевидно, на то были свои причины. Возможно, появилась какая-то новая информация, пока Егор Алексеевич ходил в отдел кадров. Но мне совершенно не нравилось как аристократы могут быстро решать вопросы, когда затронуты их интересы. Мокроусова опутали так быстро, что он даже моргнуть не успел. Я хотел вмешаться, остановить происходящее, но понимал, что уже ничего не изменить. Винтики системы уже пришли в движение, лишая меня друга. И самое ужасное, что всё было решено за него, а сам Мокроусов — лишь фигура на игровой доске аристо в очередной партии. Мне оставалось только порадоваться за него. Или здесь не место радости?

Глава 4. Визор

Переход Мокроусова вспоминали ещё долго, но со временем эта тема забылась. Чуть позже мы провели операцию и для оборотника, избавив его от «пятен» на энергетическом ядре. Хоть мужчина и получил возможность беспрепятственно использовать дар, он не спешил пользоваться им, продолжая скрывать от односельчан свои возможности. Несколько дней спустя дошла информация из Москвы там операция также прошла успешно.

— Готовься, Костя! — озадачил меня Радимов. — Думаю, Серебрянного Асклепия тебе дадут.

— Так ведь я ещё не отработал пять лет, — удивился я.

— За выслугу лет — это одно, а тут награда за выдающиеся достижения в целительстве. В общем, я готов поспорить, что в скором времени о тебе заговорят на всю страну.

Егор Алексеевич оказался прав, потому как через неделю в отделение наведались корреспонденты, желавшие записать интервью с Радимовым.

— Простите, а где я могу найти заведующего отделением? — поинтересовалась девушка, едва не столкнувшись со мной в коридоре.

— А по какому вопросу он вам нужен? — поинтересовался я.

— Это вас не касается, — ответила гостья. — Так вы скажете, где кабинет, или нет? Как же меня достало общаться с тупоголовыми болванами.

Девушка картинно закатила глаза, а оператор, тащившийся за ней следом с камерой на плече, отвёл взгляд и стыдливо опустил глаза в пол.

— Кабинет прямо перед вами, практически сразу возле входа, — произнёс я, указав на нужную дверь, и пропустив последние слова мимо ушей. Вот только дверь оказалась заперта.

— Это шутка? — вспыхнула девушка. — Если шутка, то явно дурацкая.

— Куда уж тупоголовому болвану до остроумных шуток, — парировал я, вызвав улыбку на лице оператора.

В этот момент в коридоре появился Радимов. Он шагал со стороны индивидуальных палат. Видимо, с самого утра перед работой проводил процедуры для кого-то и своих персональных пациентов.

— Простите, а вы не знаете где найти Радимова Егора Алексеевича? — упавшим голосом поинтересовалась девушка. — Мне сказали, он должен быть на месте.

— Если должен, значит, на месте, — заулыбался заведующий. — Я вас слушаю.

— Так это вы? Как замечательно! А мы приехали снимать о вас репортаж, как о целителе, победившем жуткую болезнь, косившую одарённых…

— Вы меня простите, но решение проблемы нашёл не я, а Константин Дорофеев, — признался заведующий. — А вот операция проходила под моим руководством, но по заранее предложенному плану, потому как я не мог позволить младшему целителю оперировать в одиночку.

— А где можно найти этого вашего Дорофеева? — кажется, девушка уже теряла терпение.

— Вот же он! — рассмеялся Радимов, посмотрев на меня.

Слова Радимова произвели фурор. Я видел, как менялось выражение на лице девушки. А оператор просто закрыл лицо руками и беззвучно смеялся.

— Позволяю вам украсть нашего героя на час-другой, только постарайтесь не слишком его задерживать, потому как Костя нужен пациентам. Думаю, у вас получится хорошее интервью.

— Сомневаюсь, — протянул я. — Куда там бестолковому болвану давать интервью? Он ведь наверняка даже не знает с какой стороны микрофон держать.

— Микрофон я сама подержу, — взяла себя в руки девушка. — Прошу прощения за не самое приятное знакомство — издержки профессии. Предлагаю загладить свою вину, угостив чашкой кофе.

— Простите, но кофе — не самый полезный напиток. Это я вам говорю как целитель. И потом, это будет неправильно выглядеть со стороны, потому как я женат.

— Какая досада! Такой симпатичный, талантливый, а уже женат, — переключилась на лесть девушка, но я не дал себя обмануть, потому как уже видел её истинное отношение.

Интервью мы всё-таки записали, и Радимов добавил от себя пару слов, засветившись в кадре.

— Знаменитость ты наша, найдётся время взглянуть на одного пациента? — не упустил случая поддеть меня Егор Алексеевич.

— Бросьте, слава — вещь непостоянная. Сегодня всем интересен, а завтра забудут, — успокоил я заведующего. Не хватало ещё, чтобы тот решил, что у меня звёздная болезнь развивается.

— Идём, обход как раз к той палате приближается.

Когда мы заглянули в девятую палату, где лежал любопытный пациент, моя бригада сгрудилась возле его кровати.

— Ничего не понимаю, — пробормотала София, рассматривая пациента с помощью внутреннего зрения. — У него внутри всё перемешано.

— Не перемешано, а зеркально расположено, — объяснила Сарычева.

Я активировал внутреннее зрение и сам убедился, что сердце у пациента справа, а печень и селезёнка поменяны местами. Удивительный случай! Я слышал о таком, но сам никогда прежде не встречал. И всё бы хорошо, но пациент нуждался в сложной операции, а энергетическое поле у него заметно отличалось от обычного строения.

— Кто со мной в операционную? — бодрым голосом поинтересовался Радимов.

Разумеется, желающих было много, но Егор Алексеевич взял нас с Сарычевой. София и Родион отправились в операционную в качестве наблюдателей, а Ульяна осталась присматривать за отделением.

— Осторожно наполняем энергией левый кардиальный узел, — командовал Егор Алексеевич, отслеживая реакцию организма пациента на целительную энергию. — Костя, плавненько, не переборщи. Достаточно! Теперь транслируй её куда требуется и перехватывай контроль за жизнеобеспечением.

Моя роль в этой операции была совсем небольшой, но даже её следовало выполнить безупречно, потому как любая ошибка, даже самая крохотная, может спровоцировать целую лавину проблем. С одной стороны человеческий организм не перестаёт удивлять своей выживаемостью, но иногда бывает и так, что малейшая ошибка может привести к летальному исходу, а реанимировать пациента с клинической смертью — это серьёзная задача, не гарантирующая успех.

Не успел я опомниться от поездки в Москву и дальнее поселение на севере, как Радимов выписал мне очередную командировку. К счастью, для этого не пришлось покидать пределы Градовца.

— Костя, ты ведь с артефакторами знаком не по наслышке? — привёл заведующий свои аргументы. — Сходи на конференцию от нашей больницы. Там будут люди с коллегии, Первой больницы и с Центра реабилитации, так что скучать не придётся. Засветишься, заодно поучаствуешь в дискуссии. Они там что-то новое изобрели, что может частично облегчить работу целителей.

Странно, что Пал Дмитрич мне не звонил. Уж он-то точно должен был выйти на связь, если бы на горизонте появилась очередная штуковина для целителей.

В назначенный день я направился в академию артефакторов. Мне было до жути интересно кого же я встречу от Первой городской. И нет, наших коллег представлял не Мартынов, а Самошникова. Увидев меня, Нина демонстративно отвернулась, будто я был виноват в том, что Мокроусов уехал в Москву с Элиной. Я не стал подходить к девушке, чтобы прояснить ситуацию — не то время, и не то место.

— Дамы и господа! — начал мужчина с заметной лысиной на макушке. — Думаю, артефакторы меня отлично знают, но для гостей нашего мероприятия представлюсь: Рукавин Семён Филиппович, спикер сегодняшнего мероприятия и по совместительству один из разработчиков визора, позволяющего проводить диагностику состояния организма человека без участия целителей.

Новость вызвала бурю аплодисментов. Как же артефакторы мечтают о том, чтобы заменить остальных одарённых! Это им явно не даёт покоя. Кто-то трудится над экзоскелетом, позволяющим заменить ратников, другие создают огнемёты и прочие приспособления, призванные превзойти повелителей стихий, а эти решили избавиться от целителей. Не помочь нам в работе, не упростить жизнь пациентам или повысить их шансы на выживание. К счастью, такими были далеко не все. Настоящие артефакторы не гнались за славой и не пытались стать лучше других. Они изобретали ради науки, общества и двигали прогресс вперёд куда быстрее, чем эти честолюбцы.

Я видел Горюнова и Блинова, сидящих в стороне. Они оба наблюдали за происходящим с интересом и неким скептицизмом. Время от времени оба изобретателя переговаривались между собой. Хотелось бы мне узнать о чём они говорят. А вообще, я рад, что два старых друга примирились через время.

Я отвлёкся от происходящего в зале, и опомнился, когда Рукавин принялся демонстрировать работу устройства.

— Как видите, аккумулируя энергию целителя в кристалл, и используя технологии артефакторов, мы можем обходиться без прямого участия целителей. С помощью электромагнитного излучения мы можем наблюдать что происходит у человека внутри. Сделаем слабый поток — увидим мягкие ткани. Стоит нам увеличить силу потока, и мы можем просматривать состояние костей. Диагностика теперь может обходиться без участия целителей, а это ещё один шаг к тому, чтобы полностью заменить их в больницах и лабораториях!

Я замер от увиденного, потому как не мог поверить в то, что видят мои глаза. Нет, это не чудо. Это вещь, которая незаметно убивает людей. Причём, уничтожение происходит прямо на моих глазах.

— Немедленно прекратите обследование! — закричал я, поднявшись с места. — Вы разве не понимаете что делаете?

— Мы создаём будущее! — отозвался Рукавин. — И сейчас вы все стали свидетелями новой страницы в истории.

— Господа, вы меня простите, но это чистой воды профанация, — заявил я, направляясь к центру зала.

Мне срочно нужны были веские аргументы, которые здесь и сейчас объяснят людям их ошибку, иначе меня попросту не будут слушать, а люди будут гибнуть из-за непонимания последствий излучения.

— Во-первых, хоть вы и заявляете, что система может обойтись без целителей, на деле, энергия этих одарённых всё равно используется в работе вашего устройства…

— Пока используется, — перебил меня спикер, которому явно не понравилась моя риторика. — В будущем мы планируем полностью отказаться от использования целительской энергии.

— Допустим, вам удастся это сделать, — допустил я. — Но что вы скажете по поводу облучения?

— Не совсем понимаю о чём вы, — смутился мужчина.

— Вы говорите, что у испытываемых наблюдались головные боли, тошнота, рвота, у некоторых добровольцев начали выпадать волосы, практически все жаловались на слабость. Более того, похожие проблемы испытывали и специалисты, проводившие исследования. Налицо все признаки лучевой болезни.

Артефакторы, не понимая насколько вредным может быть рентгеновское излучение, совершенно не заботились о безопасности. Понимаю ход их мыслей — раз нет видимой опасности, значит её не существует. Удивительно встречать такое понимание от людей, которые живут в мире с невидимой глазу энергией.

Допотопные рентгенографы подвергали пациентов большим дозам облучения, но даже это количество не могло привести к лучевой болезни, потому как доза была слишком маленькой, а эффект кратковременным. А сейчас в нашем мире доза облучения заметно уменьшилась. Но тут артефакторы делали не просто снимок всего человеческого тела, они наблюдали за пациентом в течение длительного времени, длительно облучая его, чтобы добиться результата и произвести впечатление на общество. Боюсь даже представить какую дозу они получили.

— Константин Юрьевич, при всём уважении, я не понимаю о чём вы говорите. Облучение, лучевая болезнь… Мне кажется, вы просто пытаетесь защитить своих коллег и самого себя.

— Господин Рукавин, а вы можете предоставить доказательства того, что все участники исследований здоровы? — поинтересовался я. — Мне бы очень хотелось провести диагностику и осмотреть их состояние.

— Ха! Да целители расскажут что угодно, лишь бы сохранить свои места! — рассмеялся седой артефактор в первом ряду.

— Ретрограды! — завопил другой мужчина, подскочив с места.

Разумеется, спорить с кучкой артефакторов, окрылённых идеей превзойти соперников, было бесполезно. Поднялся шум, а я счёл разумным в этой ситуации просто уйти. Время рассудит. Причём, судя по количеству проведённого времени, у подопытных серьёзные проблемы, поэтому судный день наступит очень скоро.

Идя на утреннее дежурство, я даже не понимал, что последствия дадут о себе знать так скоро.

— Костя, у нас необычный пациент, — заявил Радимов, когда я пришёл на утреннее дежурство. — Хочешь взглянуть?

— Это никак не подождёт до начала обхода? — поинтересовался я.

— Боюсь, что нет. Пока четвёртая бригада будет сдавать смену, я рассчитываю провести операцию, и мне нужен ты.

С уходом Мокроусова я стал единоличным фаворитом заведующего. Не сказать, что мне нравилась подобная ситуация, но что я могу поделать, если остальные младшие целители откровенно не дотягивали до моего уровня? Тихомирова не в счёт, она старший целитель, да и её лоббирует отец. А я добился расположения не за счёт родственных связей.

Думаю, одной из причин, почему Артём решил сменить обстановку, стало назначение Тихомировой на пост старшего целителя. Раз это место занято, нет смысла ждать годами, пока освободится где-нибудь ещё, а младшим целителем Мокроусов оставаться не хотел.

Когда мы вошли в операционную, я увидел мужчину, лежавшего на спине. Вокруг него хлопотала медсестра, обрабатывая тело лекарственными средствами. — Егор Алексеевич, как вы и говорили, ему стало лучше, — обрадовалась девушка.

— Это только на первый взгляд кажется, — насупившись, ответил мужчина. — Боюсь, не всё так просто.

Девушка вышла, а Радимов повернулся ко мне.

— На презентации визора ты наделал много шума, когда поставил под сомнение безопасность изобретения. Что удивительно, ты знал симптомы ещё до того, как они успели проявиться. Снова предчувствие?

— Затрудняюсь ответить, — честно признался я, потому как признаваться о прошлой жизни в другом мире совсем не хотелось.

— Понимаю, — ответил заведующий и повернулся к пациенту. — Это уже третий пациент за короткий срок. Первого доставили в больницу ещё вчера. Угадаешь симптомы?

— Слабость, диарея, выпадение волос, язвы на теле и металлический привкус во рту?

— Если бы я не знал, что это невозможно, решил бы, что ты уже побывал в Первой больнице, — с нескрываемым удивлением признался Егор Алексеевич.

После осмотра я убедился в своих догадках.

— Операция здесь не требуется, потому как и оперировать нечего, а вот процедуры нужно провести как можно скорее.

— Что бы ты предпринял? — поинтересовался Радимов, наблюдая за мной.

— Очистка крови, при необходимости — переливание, обезболивание и создание стерильных условий, пока иммунитет не восстановится. Сейчас пациент рискует подхватить любую болезнь, поэтому нужно изолировать его от окружающего мира. Я бы направил целительную энергию для лечения желудочно-кишечного тракта, потому как здесь заметны серьёзные проблемы. И, разумеется, я бы держал его подальше от этих дурацких визоров.

Для лечения лучевой болезни требовался комплексный подход, потому как пострадал весь организм. Я пытался припомнить правила помощи из прошлой жизни, но знаний откровенно не хватало, да и за три года жизни здесь многое забылось. А ведь сейчас эта информация была бы крайне полезна. Теперь приходилось полагаться полностью на чутьё целителя, потому как внутреннего зрения оказалось достаточно, чтобы увидеть проблемные зоны.

Чуть позже, когда мы перевели пациента в палату, Радимов снова позвал меня. На этот раз к себе в кабинет. Я рассчитывал, что он будет расспрашивать о том, откуда мне известно то, чего не знали местные целители, но оказалось, что внутри собралась целая комиссия.

— Костя, к нам приехали люди из медицинской коллегии, проектного бюро артефакторов и службы имперской безопасности. Они всерьёз обеспокоены тем, что произошло со специалистами и испытываемыми во время тестирования новой диагностической разработки артефакторов. Число пострадавших выросло уже до семи, их располагают на Вещем острове и пока затрудняются помочь. Разработка временно приостановлена. Расскажи, почему ты считаешь визор опасным? — попросил Радимов.

Я обвёл взглядом гостей и узнал Горюнова с Блиновым. Пал Дмитрич слегка кивнул мне, когда наши взгляды встретились. Рядом с ними сидел Рукавин, столь скептически относившийся к моим словам на презентации. Теперь он осунулся и даже не смотрел мне в глаза. Но мне его было немного жаль. Пострадала не только его гордость, ощутимый удар получила его вера в то, что они могут изобрести нечто полезное, способное заменить привычные методы работы и сделать мир лучше. Остальные люди мне были незнакомы.

Я начал свой рассказ, тщательно подбирая слова. Иногда получалось витиевато, но меня всё равно поняли.

— Вы считаете, исследователи могли понимать вредность процедуры? — задал вопрос мужчина в форме службы имперской безопасности.

— Сомневаюсь. Это были всего лишь исследования, артефакторы сами не знали как всё пройдёт. Подозреваю, что господа из проектного бюро слишком поторопились с презентацией, не изучив последствия работы. У меня есть подозрения, что целитель при этом не присутствовал, поэтому заметить опасность было невозможно.

— Но откуда знаете вы? — продолжал засыпать меня вопросами мужчина.

— Я лишь озвучил своё мнение, исходя из логичных вариантов, и оно оказалось верным. Если вы понимаете принцип электромагнитного излучения и являетесь целителем, для вас это очевидно. Думаю, артефакторам потребуется нечто большее, чем кристаллы с целительской энергией.

— Что вы имеете в виду? — удивился мужчина, а я заметил как Блинов напрягся.

— Консультация целителей. Раз уж учёные обратились за помощью, чтобы их изобретение работало, почему бы не заручиться поддержкой на время исследований?

— Вы считаете, что у визора есть будущее? — неожиданно оживился Рукавин.

— Не думаю, что он сможет полностью заменить целителей и стать абсолютно безвредным, но в отсутствие человека со способностью провести точную диагностику прибор пригодится. Правда, для этого нужно сократить время облучения пациента до минимума. Думаю, достаточно сделать снимок, а не наблюдать проблему в режиме реального времени. Да, это будет не так информативно, но значительно безопаснее для пациента.

— Спроецировать лучи на поверхность за исследуемым объектом… — пробормотал Рукавин. — Да, это может сработать…

— Господин Дорофеев, — начал Блинов, поднявшись с места. — Учитывая вашу поразительную прозорливость в этом вопросе, не хотели бы вы принять участие в разработке?

— Только если это не будет мешать моей основной работе, — парировал я.

Из кабинета Радимова я выходил с кучей обязательств, но и Верой в то, что мои труды сделают мир лучше и позволят избежать многих жертв ради науки.

Я понимал, что уже не справлюсь с нагрузкой, потому как помимо работы в отделении и приёма в частном кабинете на меня свалилась разработка визора. Да, можно было отказаться, но сработало моё желание помочь.

Всё свободное время уходило на работу, а дома я появлялся только чтобы поспать, перекусить и подготовиться к новой смене. Разумеется, такое положение дел категорически не нравилось Лере, да я и сам был уже не рад, что согласился, но Горюнов с Блиновым от меня не отставали, а Рукавин полностью изменил своё отношение. Вся бригада артефакторов рассчитывала на мою поддержку и даже иногда советовалась. Увы, я мало чем мог помочь, потому как лишь отдалённо понимал устройство аппарата. Да, на летних каникулах я подрабатывал в рентген-кабинете, но всё, что от меня требовалось — помочь с надеванием защитных фартуков, промыть снимки и поставить их сушиться в шкафу. Остальным занималась лаборант. Зато как было любопытно следить за тем, как врач делает описание! Казалось, стандартная процедура, но выглядит завораживающе. Мы с лаборантом тоже изучали снимки, пытаясь понять всё ли в порядке у человека с лёгкими, есть ли перелом. Однажды пришлось делать снимок грудничку, проглотившему игрушку, и я никогда не забуду тот случай. Ребёнка застёгивали специальными ремнями и подвешивали вертикально. Но это было ничто в сравнении с криками малыша, которыми наполнялось отделение.

Пусть я приходил в лабораторию всего раз в четыре дня и проводил там часов пять-шесть времени, это тоже выматывало.

Правда, в скором времени у меня получились незапланированные выходные. Посреди ночи меня разбудил звонок матери.

— Костя, отец в больнице! — сообщила мать.

— Что случилось? Сердце?

— Какие-то люди напали, когда он возвращался с работы. «Скорая» забрала его в критическом состоянии, когда я примчалась в больницу, его уже забрали на операцию. Говорят, у него сильные травмы, но надежда есть. Костя, я не знаю что делать!

— Не переживай и никуда не уходи. Целители сами справятся, главное им не мешать. Скоро буду!

Глава 5. Отец

Пока я одевался, объяснил Лере ситуацию. Девушка собралась ехать со мной, но потом согласилась, что ей лучше остаться, потому как в следующие два дня у неё дежурство. Если мы оба уедем, найти замену будет сложно, пусть и работаем в разных отделениях. Да и вряд ли её отпустят.

— Приеду сразу после ночи, — пообещала она, поцеловав на прощание.

Уже по дороге на автовокзал я набрал Радимова. Сколько раз заведующий звонил мне в нерабочее время и ставил в неудобное положение? Похоже, сейчас настало время поменяться местами. Пусть я не в том положении, чтобы диктовать условия, но я надеюсь, что Егор Алексеевич оценит ситуацию и поймёт.

— Костя, не может быть и речи! Конечно! Занимайся семьёй. Если понадобится помощь, звони.

Я прекрасно понимал, что ждать утренний рейс — плохая затея, я просто потеряю шесть часов времени, а потом ещё столько же буду трястись в поезде. Куда логичнее взять такси. Да, это будет стоить не меньше пяти тысяч, но так к утру я буду уже в Привольске. На удивление водитель отыскался достаточно быстро, но очень скоро я успел пожалеть, что не подождал утра, чтобы доехать на поезде.

— Не обязательно ехать с такой скоростью, — заметил я, когда водитель проскочил нужный поворот, а спустя пару минут едва успел разминуться со встречной машиной.

Знаю, водители не любят, когда им раздают советы. Да вообще никто не любит, когда лезут под руку и мешают, но мне хотелось доехать до Привольска в целости и сохранности, а с таким вождением мы непременно врежется если не в машину, так в какое-нибудь дерево.

— Мне казалось, вы торопитесь, — обиженно засопел мужчина.

— Тороплюсь. Но спешка должна быть разумной. Лучше я приеду на полчаса позже, чем проведу всю ночь в ожидании эвакуатора, или на операционном столе.

Мужчина пробормотал что-то нечленораздельное, но стал осторожнее.

— Я с обеда таксую, — неожиданно признался он. — Двенадцать часов за рулём провёл. Думал уже домой ехать, а тут такой заказ. Как тут пройти мимо?

— Не жалеете вы себя, — заметил я.

— Дочку выучить надо. Мы ведь не из одарённых, с образованием тяжело. Одних знаний нынче уже недостаточно, нужно ещё и деньги на учёбу иметь. А без денег только дворы мести, да чай знатным разливать по чашкам, да разносить по блюдечкам.

На подъезде к городу водитель начал засыпать. Я старался поддерживать разговор, чтобы он не уснул, но было видно, что сохранять концентрацию становится всё сложнее. Оказалось, что таксист не такой уж и плохой человек — старается изо всех сил держаться на плаву. Эти пять тысяч он мог бы заработать, выполняя заказы за то же время, но выбрал ехать со мной.

— Вы туда и обратно, или задержитесь? — поинтересовался мужчина. — Я пару часов отсыпаться буду, а потом на обратный путь. Если нужно, за полцены довезу.

— Боюсь, надолго, — ответил я, и рассказал о причине, которая выдернула меня из постели.

Украдкой старался воздействовать на нервные центры водителя, чтобы не дать ему уснуть. До Привольска мы доехали за пять часов и без происшествий. В больницу мы приехали к шести утра. Пусть ещё рано для проведывающих, но коллеги вошли в положение и пустили в отделение. Отцу провели операцию и перевели в палату. Угроза жизни миновала, но состояние всё ещё было тяжёлое.

— Костенька! — выпалила мать, заметив меня на пороге, и бросилась в объятия. Я запустил диагностику и пока успокаивал мать, оценил состояние отца. Сотрясение мозга, трещина в черепе, перелом ноги, сломанные рёбра, разрыв селезёнки… На мелкие ссадины и гематомы можно было не обращать никакого внимания.

— Как всё случилось? — выдавил я из себя.

— Я сама ничего толком не знаю. Мне как только позвонили, я сразу собралась и примчалась сюда.

Пришлось направить волну энергии для матери, чтобы немного успокоить. Тоже мне больница! Не могли о не позаботиться. Я понимаю, что она не пациент, но разве сложно потратить хоть малую частичку энергии?

Дверь отворилась, и в палату проскользнул наш декан, работавший здесь старшим целителем. Видимо, услышал шум и вышел разбираться, а как узнал о моём приезде, решил заглянуть.

— Костя, можем поговорить в коридоре? — попросил Селиванов.

— Конечно!

Я вышел вслед за целителем и немного отошёл от двери, чтобы мать не слышала наш разговор. Очевидно, Селиванов хочет сказать о чём-то важном, чего ей не стоит слышать.

— Костя, я лично вёл операцию твоего отца, — заявил Селиванов. — Признаю, было непросто.

— Благодарю, Михаил Павлович, я успел оценить ваше мастерство. Операция проведена блестяще.

На самом деле я не увидел ничего потрясающего, что могло бы меня приятно удивить. Просто хотел поблагодарить человека, спасшего отцу жизнь. Если бы не работа их бригады, он мог бы умереть.

— У тебя есть возможность перенять мой опыт, — расплылся в улыбке целитель. — Видишь, родители здесь, а ты далеко. Вот так случись что, и помощи никакой. Бросай ты свой Градовец, да перебирайся к нам.

— У меня ещё год отработки остался, — припомнил я.

— Да разве это проблема? Ради своего студента я лично в коллегию пойду с просьбой тебя перевести. От тебя только документы подписать потребуется.

Я припомнил Мокроусова, который в один миг оказался одной ногой в Москве и лицом к лицу перед сложным выбором. Повторять его путь мне совершенно не хотелось.

— Костя, соглашайся! — елейным тоном произнёс Михаил Павлович, схватив меня за руку.

— Пока я нужен в Градовце, а потом посмотрим, — ушёл я от ответа. Сейчас было не время и не место давать окончательный ответ. Я прекрасно помню нашего декана — скользкий человек. Не хватало, чтобы мой отказ отразился на отношении к отцу.

Мать выбежала в коридор и нашла меня взглядом.

— Костя, отец пришёл в себя!

— Не буду мешать вашей семейной беседе, зайду позже, — произнёс Селиванов и поспешил удалиться. — Кстати, у меня дежурство заканчивается через два часа, могу ответить на твои вопросы, если понадобится.

Я уже не слушал его, потому как всё внимание было сконцентрировано на происходящим в палате. Отец открыл глаза и осмотрел нас с матерью. Судя по его реакции, узнал, а это уже хорошо. После таких серьёзных травм головы последствия могли быть более серьёзными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.